

## ИНСТИТУТЫ И СТАТИСТИКА (НА ПРИМЕРЕ СТАТИСТИКИ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА)

**Гирш Ицыкович ХАНИН,**

доктор экономических наук, профессор,  
научный сотрудник Сибирского института управления  
Российской академии народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте РФ (СИУ РАНХиГС),  
г. Новосибирск, Россия,  
e-mail: khaning@yandex.ru

**Дмитрий Александрович ФОМИН,**

кандидат экономических наук,  
старший научный сотрудник,  
доцент кафедры корпоративного управления и финансов  
Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ),  
г. Новосибирск, Россия,  
e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

*Анализируется влияние институтов на состояние экономической статистики. В качестве объекта избрана самая сложная и важная область экономической статистики – статистика основных фондов. Рассматривается ее состояние в различных социально-экономических системах. Показывается, что ее возникновению при капитализме содействовали развитие частного предпринимательства, демократии и уважение власти и общества к науке и высшему образованию. Сравнение состояния этой статистики в различных странах показывает ее зависимость от уровня экономического и культурного развития, развития частного предпринимательства. Так, она полностью отсутствовала в царской России. Развитие статистики основных фондов в странах с командной экономикой рассматривается на примере СССР. Показывается, что ее состояние в 1930–1950 гг. было удручающим. Это объясняется тем, что в реальной практике планирования в этот период преобладала ориентация на натуральные показатели. Вместе с тем по политическим причинам оказывалось невозможным для отдельных ученых, в отличие от их коллег из капиталистического общества, производить и тем более публиковать самостоятельные расчеты стоимости и динамики основных фондов. Они могли разрушить иллюзию огромных успехов советской экономики. После краткого периода относительно объективного определения стоимости объема основных фондов в 1960 г. состояние статистики продолжало ухудшаться. Вследствие деградации экономической науки практически прекратилась и критика состояния этой области экономической статистики. В постсоветский период отрыв статистики основных фондов от реальности достиг пика. Сейчас она является по уровню достоверности одной из худших в мире. Этому способствовало удручающее состояние качества государственного управления, гражданского*

*общества, предпринимательского сообщества и экономической науки, Низкий уровень статистики основных фондов не позволяет обоснованно анализировать и прогнозировать состояние современной российской экономики.*

**Ключевые слова:** институты; экономическая статистика; статистика основных фондов; государство; предпринимательское сообщество; гражданское общество; экономическая наука

## INSTITUTIONS AND STATISTICS: THE CASE OF FIXED ASSETS ACCOUNTS

**Grigoriy I. KHANIN,**

Doct. Sci. (Econ.), Professor,  
Research Associate,  
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration  
(RANEPA), Siberian Institute of Management,  
Novosibirsk, Russia,  
e-mail: khaning@yandex.ru

**Dmitry A. FOMIN,**

Cand. Sci. (Econ.),  
Senior Researcher, Associate Professor,  
Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEU),  
Novosibirsk, Russia,  
e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

*The paper analyzes the impact of institutions upon the state of economic statistics. The study focuses on the most complex and essential area of economic statistics: the fixed assets statistics. Its positions under various social-and-economic systems are considered. The authors show that its emergence under capitalism was facilitated by developing private entrepreneurship, democracy and respect of the authorities and society towards science and high education. A comparative analysis of these statistical data across different countries proves their dependence on the level of national economic-and-cultural development, and advancement of private business. For instance, it was absent in the tsarist Russia. Development of the fixed assets statistics in the command economies is analyzed using an example of the USSR. It ascertained that its state in the 1930s–1950s was depressing, which is explained by prevalence of orientation towards physical indicators in the actual planning practice in that period. At the same time, unlike capitalism, individual researchers could not perform and especially publish independent estimates of the costs and trend patterns for fixed assets due to political reasons. They could destroy an illusion of enormously successful Soviet economy. After a short period of relatively objective determination of the costs of the fixed assets stock of in 1960 it continued deteriorating. Due to degradation of economic science, criticism of the state of this segment of economic statistics practically terminated. In the post-Soviet period, the gap between the fixed asset statistics and the reality reached its peak. Currently it is the worst in the world in terms of the credibility level, particular due to a gloomy quality of public administration, civil society, business community and economic science. Poor fixed assets statistics prevents reasonable analyzing and forecasting of the processes of Russian economy.*

**Keywords:** *institutions; economic statistics; fixed assets statistics; state; business community; civil society; economic science*

**JEL classifications:** *B23, C81, P50*

### Введение

На эти размышления нас подвиг опыт анализа печального состояния статистики основных фондов в СССР и постсоветской России. Задумываясь о причинах этого состояния, мы обратились к истории статистики основных фондов в мире. Ей не повезло в истории мировой статистики. Ничего подобного книге Павла Студенского об истории статистики национального дохода так до сих пор и не вышло. Лучшее, что было написано в России (тогда в СССР) содержится в книге А.Л. Вайнштейна «Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России» (Вайнштейн, 1960) и в его же статье «От обобщающих макроэкономических показателей к национальным счетам» (Вайнштейн, 1960, с. 185–252).

Мы поговорим не о фактах, которые относительно известны небольшой группе специалистов, изучающих историю и состояние статистики основного капитала при различных социально-экономических системах (меньше всего о статистике основных фондов в СССР), а об объяснении этих фактов, которого остро не хватает. Такое объяснение мы представим в виде мотивации главных субъектов, влияющих на эту статистику: государства, предпринимателей, экономической науки и гражданского общества.

Особое значение в исследованиях национального богатства занимали и занимают оценки основного капитала, что связано с признанием основного капитала как одного из ведущих факторов экономического роста. Необходимость изучения основного капитала в масштабах всей национальной экономике и по единой методологии в конечном итоге привела к появлению специальной статистики капитала. К настоящему времени такая статистика, имеющая государственную форму и интегрированная в систему национального счетоводства, является обязательным элементом статистической практики подавляющего количества стран, включая с недавних пор и Россию.

Переход российской статистической службы на новую статистическую методологию, осуществленный в 1990-е гг., по мнению подавляющего большинства исследователей российской экономики, устранил присущие советскому периоду пороки статистической практики, привел к появлению качественных статистических данных, а также избавил от необходимости использования альтернативных методов расчета экономических показателей. Между тем достоверность статистических данных обеспечивается не статистической методологией, не формой организации статистических работ и не практикой деятельности статистической службы, а наличием в обществе и государстве институтов, заинтересованных в качественной и полной информации.

Сразу отметим, что статистика основных фондов является, пожалуй, самой сложной областью социально-экономической статистики. Поэтому недостатки здесь являются не всегда результатом чьих-то упущений или тем более злого умысла, а скорее, объективных трудностей. Здесь уместно привести замечание выдающегося английского статистика Колина Кларка, сделанное в связи с его расчетом национального дохода и богатства СССР в 1930-е гг. Он оценивал расчеты национального дохода, по сравнению с расчетами национального богатства, как «детскую игру» (Clark, 1940, p. 400). Другое замечание: имеются общие причины недостатков в различных областях статистики при различных социально-экономических системах. Нам придется и их отметить, наряду со специфическими причинами, связанными со статистикой основных фондов.

Статистика основных фондов возникла при капитализме, наибольших результатов достигла также при капитализме. Начнем поэтому с этой системы.

### 1. Статистика основных фондов при капитализме

Начало изучения национального богатства и его основного элемента – производственного капитала, диктовалось прежде всего потребностями капитализма. Развитие частного предпринимательства с момента его появления объективно нуждалось в системе учета и оценке капитала для исчисления затрат и выбора наиболее эффективного направления инвестирования средств. Дальнейшее развитие капитализма привело к появлению рыночных инструментов мобилизации и защиты капитала. Функционирование таких инструментов было напрямую связано с объективными рыночными оценками стоимости капитала. Речь идет о фондовом рынке, для эффективного функционирования которого необходима открытая и проверенная информация о финансовом положении компаний, эмитирующих ценные бумаги, и стоимости их материальных активов. Для защиты капитала от различного рода рисков была создана система страхования, основные показатели деятельности которой (суммы страхования, размер страховых премий, страховое возмещение и т.д.) напрямую зависят от стоимости имущества.

Громадное значение в развитие статистики национального богатства при капитализме внесло государство, которое использовало стоимостные оценки богатства для реализации фискальных и регулирующих функций. Налогообложение различных элементов национального богатства – земли, недр, недвижимого имущества и т.д. – требовало проведения оценочных работ и формирования единой государственной статистической методологии.

Возникновение и развитие капитализма совпали (не случайно) с появлением современной науки и современной демократии. Все эти три явления подтолкнули и развитие социально-экономической статистики. Первыми ее стали создавать ученые (первоначально естественники, осознающие значение измерений для объяснения явлений природы), движимые пониманием общегосударственных потребностей и научным любопытством. Разумеется, их возможности в сборе данных были ограниченными, поэтому они отбирали такие методы, которые позволяли получить результат с наименьшими затратами времени и сил. Эти исчисления по той же причине относились только к отдельным годам. Но поскольку национальное богатство в этот период росло очень медленно, как и цены, эти расчеты сохраняли свою ценность на длительный период времени. В то же время производились первые примерные расчеты национального дохода, что позволяло производить исчисление его отношения к национальному богатству в отдельной стране и в разных странах, в динамике.

Непосредственно первоначальными мотивами ученых при исследовании национального богатства были потребности сравнения военно-экономической мощи соревнующихся в Европе стран. Государство в силу такой их направленности относилось к этим исследованиям благожелательно. Как и следовало ожидать, первыми исследованиями национального богатства стали ученые наиболее развитой страны Европы того времени – Англии. В этой стране были также наиболее развиты и пользовались общественным уважением наука и высшее образование. Страной управляла просвещенная монархия, поддерживающая с помощью политики меркантилизма предпринимательство, науку и высшее образование. Впоследствии (с большим опозданием) по примеру передовых стран и с использованием разработанных методов исследования определением национального богатства занялись ученые других стран Европы и США, в меру их экономического и политического прогресса. В России в соответствии с невысоким уровнем экономического развития, экономической науки и высшего образования такие расчеты не осуществлялись, вместо российских экономистов их производили иностранные, при этом с большими ошибками.

Если говорить об отношении отдельных институтов к исследованиям национального богатства в этот период, то оно носило пассивно-благожелательный характер. Их приветствовали морально (научным признанием, положительной оценкой в прессе, иногда призами), что уже было большим положительным явлением и стимулом к их дальнейшему развитию. Это делалось даже тогда, когда выводы этих исследований представляли страну в невыгодном свете. Все институты и, что очень важно, интеллектуальные слои населения, для ориентировки и в силу интереса к положению своей страны в мире с любопытством и благожелательностью относились к этим исследованиям и их авторам.

Исследования национального богатства силами отдельных ученых позволили определить сущность этого явления, методику его исследования и абсолютные и относительные его размеры по странам за отдельные периоды времени. Но многие вопросы измерений и систематических наблюдений оставались нерешенными в силу ограниченности возможностей отдельных ученых.

На определенном этапе экономического развития сложность измерения национального богатства превысила возможности отдельных ученых. С другой стороны, появились условия использования в расчетах национального богатства первичных данных хозяйствующих субъектов. Возникли и условия, и потребность в создании государственных статистических служб.

Поскольку экономические измерения в национальном масштабе требовали существенных затрат и наличия квалифицированных кадров, создание национальной статистической службы было под силу в XIX в. только наиболее развитым государствам мира. Правда, непосредственно такие расчеты вплоть до окончания Второй мировой войны государственные статистические органы не осуществляли, но производимые ими цензы отраслей экономики (особенно в США) и показатели налоговых служб давали исходные данные ученым для таких расчетов.

В США значительные возможности для систематического исчисления национального богатства создавали периодические (раз в 10 лет) цензы отраслей экономики, осуществлявшиеся с 1805 г. Их проведение впервые именно в США говорило о высоком интеллектуальном уровне высшего государственного управления страны уже в самом начале ее существования. Они производились, в том числе, в добывающей и обрабатывающей промышленности (до 1880 г. – по всей промышленности). С 1850 г. в этих цензах данные о капитале собирались без разделения на основной и оборотный капитал. Лишь с 1890 г. был введен отдельный сбор данных по основному и оборотному капиталу (*Кваша, 1962, с. 531*). Однако довольно долгое время качество сведений о размере основного капитала было низким. Как отмечали публикаторы цензов в 1870 г. в отношении стоимости капитала, было «...сомнительно, представляет ли эта сумма  $\frac{1}{4}$  капитала, действительно вложенного для выпуска валовой продукции» (*Кваша, 1962, с. 532*). К сожалению, нигде не объясняются ни причины столь огромной ошибки, ни методы определения ее размера (скорее всего, на основе последующего определения соотношения между этими показателями). Очевидно, речь шла о весьма значительном несовершенстве бухгалтерского учета в американских компаниях в тот период. Вместе с тем неясно, каким образом составители ценза пришли к такой оценке. В свете дальнейшей динамики капиталоемкости (в 2 раза между 1870 и 1919 гг.) такая оценка нам представляется сильно преувеличенной. Даже при публикации цензов 1900 г. отмечалось, «что публикация данных о капитале во всех цензах, вплоть до 1890 года лишены реальной статистической ценности» (*Кваша, 1962, с. 533*). Лишь для 1909 г. с принятием закона о налоге на прибыль у компаний появляется заинтересованность показывать в цензах весь основной капитал (*Кваша, 1962, с. 534*). По оценкам Я.Б. Кваша, в результате недооценки в цензах до 1909 г. основного капитала рост капиталоемкости в промышленности США в 1880–1919 гг. составил не 2 раза, а только 10–15%, но эта его оценка исходит из завышенной оценки размера ошибки в цензе 1870 г. (*Кваша,*

1962, с. 536). Как видим, не только в плановой экономике (о чем пойдет речь ниже), но и в рыночной определение объема капитала долгое время шло с большим трудом.

Тем не менее, научные работники в передовых капиталистических странах находили относительно достоверные способы их исчисления. Притом чем более развитыми во всех отношениях были эти страны, тем успешнее шли эти расчеты. К 1914 г. были произведены исчисления национального богатства, преимущественно отдельными учеными, по 14 странам мира, но с разной степенью точности (было выделено четыре степени). Оказалось, что с первой степенью точности (10%) расчеты были произведены лишь по Соединенному королевству и Австралии, а со второй (20%) – по Соединенным Штатам Америки, Германии, Франции и Канады (Вайнштейн, 2000, с. 215)<sup>1</sup>. Тогда это были и наиболее развитые страны мира. Напрашивается вывод, что по уровню статистики национального богатства можно судить и об уровне экономического развития стран мира.

Данный вывод подтверждается и опытом последующих исчислений народного богатства. К середине 1950-х гг. в мире насчитывалось более 100 стран, из них только в 27 делались расчеты величины национального богатства (Вайнштейн, 2000, с. 216). Оценку национального богатства по-прежнему делали страны Европы, США и британские доминионы. Кроме того, в этот список попала Россия, чье богатство было оценено по состоянию на начало 1914 г. В этом списке Альберт Вайнштейн, надо отметить, не указывает ни одной социалистической страны (за исключением Югославии), очевидно, в силу отсутствия или очевидной недостоверности статистических оценок.

По данным Всемирного банка в начале XXI в. расчеты национального богатства производились уже в 120 странах (World Bank, 2011, p. 4). Таким образом, во второй половине XX в. список стран, исчислявших размер своего национального богатства, был расширен более чем в 4 раза. Это говорит о растущей зрелости статистики и экономистов развивающихся стран и значительных усилиях международных организаций по внедрению системы национальных счетов, составной частью которых является статистика национального богатства. Однако качество этой статистики заслуживает отдельного рассмотрения.

## 2. Статистика основных фондов в командной экономике

Командная экономика, казалось, создавала идеальные условия для исчисления национального богатства, особенно основных фондов. Поскольку основная часть национального богатства находилась в собственности или под контролем государства, достаточно было его приказа, чтобы исчисления производились предприятиями и обобщались статистическими органами по современной восстановительной стоимости. По текущей стоимости их могли просто получать из отчетности предприятий. Тем не менее получить достоверные данные о национальном богатстве СССР оказалось трудно (Ханин, 1991). Причины такого положения не обсуждались в советской, российской или западной литературе. Ссылок на склонность исказить в этих странах макроэкономические показатели в ней недостаточно.

Оценки объема основных фондов с конца 1920-х гг. и вплоть до 1960 г. публиковались крайне редко. Например, они были опубликованы в директивах по II и IV пятилетнему плану (для III – они не приводились) (Директивы КПСС, 1957, с. 399). Стоимость основных фондов приводилась в непонятных «государственных ценах» 1933 г., а методология и источники исчисления стоимости не оглашались. Так же стоимость фондов СССР указывалась А.Н. Вознесенским при подведении экономических итогов Великой отечественной войны в ценах 1945 г. для начальных и конечных лет довоенных пятилеток (Вознесенский, 1979, с. 453, 484). В годовых народнохозяйственных планах стоимостные оценки основных фондов и вовсе отсутствовали.

<sup>1</sup> Следует отметить, что оценки английского статистика Дж. Стэмпа, на которые ссылается А.Л. Вайнштейн, являются экспертными и потому примерными. Они отражают, скорее и больше, порядок точности, чем конкретную величину.

Конечно, производить переоценки основных фондов, как показал опыт оценки основных фондов в 1923/1924 г. по промышленности и отраслевых переоценок в 1930-е гг., было весьма хлопотливо и дорогостояще, однако вполне по силам советскому статистическому и хозяйственному аппарату. Проведение переоценок было возможно, хотя бы раз в 5–10 лет. Очевидно, что у плановых и хозяйственных органов не было большой заинтересованности в оценочных работах. Для планирования и управления советской экономикой, особенно на ранних этапах, данные о стоимости основных фондов были излишними. Советская экономика управлялась преимущественно с помощью натуральных показателей. С точки зрения информации об основных фондах речь идет об объеме производственных мощностей в натуральном выражении, включая данные о развитии непроемленной сферы (количестве мест в школах и вузах, больницах, предприятиях общественного питания и т.д.).

Тем не менее плановая экономика испытывали серьезные трудности, вызванные недостоверной оценкой стоимости основных фондов. Эти проблемы были связаны с двумя обстоятельствами.

Первое обстоятельство связано с тем, что для советской экономики был характерен скрытый рост цен на промышленное оборудование. Между тем, планирование капитальных вложений осуществлялось исходя из стоимости функционирующих производств, нормативных смет строительства и прейскурантов цен на материально-техническую продукцию. Очевидно, что заниженная балансовая стоимость фондов, а также устаревшие ценники на инвестиционную продукцию и строительно-монтажные работы, приводили к ошибкам в определении затрат, необходимых для строительства новых предприятий. Многочисленные примеры несоответствия сметных и фактических цен приведены в одной из поздних работ Я.Б. Кваши (*Кваша, 2003, с. 467*). Запланированный ввод производственных мощностей не обеспечивался запланированным объемом капитальных вложений. В свою очередь, это приводило к сокращению ввода новых производств и, как следствие, невыполнению плановых заданий. Таким образом, эта незначительная, как многим казалось, учетная проблема – объективной оценки стоимости основных фондов – приводила к серьезным экономическим трудностям.

Решение этой проблемы советская экономика нашла в проведении переоценок основных фондов. Самые крупные и масштабные переоценки в советской экономике проводились в 1925 г., 1960 г. и в 1972 г. Однако эти переоценки ненадолго и недостаточно сближали восстановительную и балансовую стоимость основных фондов экономики. Угрожающие масштабы это несоответствие приняло в позднесоветский период. В результате выбытие основных фондов оценивалось по низким устаревшим ценам, а их ввод по современным высоким. Официальная искаженная, заниженная, оценка стоимости основных фондов создавала иллюзию благополучия и не позволила советскому руководству вовремя разглядеть надвигающийся инвестиционный кризис. Это стало одним из факторов, предопределивших гибель советской экономики.

Второе обстоятельство, определявшее трудности советской экономики в области учета стоимости основных фондов, касалось начисления амортизационных отчислений предприятий. Данные фонды использовались предприятиями для покупки нового имущества и проведения капитального ремонта. Понятно, что заниженная стоимость фондов и, соответственно, заниженные амортизационные отчисления лишали предприятия финансовых средств для воспроизводства своей материальной базы. Плановые советские органы не стали искать причины создавшегося положения и принимать меры, направленные на повышение стоимости фондов. Вместо этого они пошли по более простому пути постоянного повышения норм амортизационных отчислений. Советские экономисты, не имея собственной позиции в данном вопросе, обосновывали это повышение действием научно-технического прогресса и возрастанием доли морального износа. В СССР амортизационные нормы, не считая незначительных уточнений, пересма-

тривались 8 раз; с 1930 по 1990 г. нормы на реновацию выросли практически в 2,5 раза с 1,7 до 4,2% (*Финансово-кредитный энциклопедический словарь, 2002, с. 32*).

Проблемы возникали также при определении динамики основных фондов, но преувеличение их объема хорошо вписывалось в принятую декларацию о советских хозяйственных достижениях и в целом согласовывалось с ростом национального дохода и продукции отраслей экономики. О ничтожной роли, которую плановые органы придавали стоимости основных фондов в планировании и управлении экономикой, свидетельствует книга многолетнего заведующего сводным отделом Госплана СССР Г.М. Сорокина. Работа посвящена организации и методологии планирования народного хозяйства, однако ни в числе фактических плановых показателей, ни в их желательном составе стоимость и динамика основных фондов не упоминаются (*Сорокин, 1961*).

У наиболее добросовестных экономистов и статистиков серьезные ошибки в исчислении стоимости основных фондов вызывали тревогу. Этим и, возможно, желанием отличиться в борьбе с вредительством в статистике, объясняется усиленная критика искажений в статистике основных фондов в 1937–1938 гг. Но больших практических последствий эта критика тогда не имела. Разве что стала еще одним пунктом в обвинительном заключении для репрессированных руководителей ЦУНХУ Госплана СССР.

В СССР, в отличие от капиталистических стран, отсутствовали многие субъективные и объективные возможности исчисления истинной величины национального богатства и тем более их публикации независимыми учеными. Отсутствовали страхование государственного имущества, налоги с имущества. Вообще все институты рыночной экономики. Можно было только исчислять показатели фондомощностных коэффициентов. Но нам неизвестно, чтобы в СССР кто-то из экономистов этой возможностью воспользовался.

При отсутствии демократических институтов некому было добиваться изменения этого положения дел. Государство беспрепятственно могло совершать любые действия по фальсификации статистики. Общество и наука из страха молчали. Даже тогда, когда стало возможным по данному вопросу свободно высказываться в печати, экономистов, понимающих огромное значение данной проблемы для выявления реального положения экономики СССР, были единицы (В.А. Соболев, А.А. Аракелян, Я.Б. Кваша, А.Л. Вайнштейн, Ш.Я. Турецкий). Понимал эту проблематику и С.Г. Струмилин, хотя в его трудах сталинского и послесталинского периода (в отличие от работ 1920-х гг.) прямых высказываний по этому вопросу нет. Такое печальное положение дел было связано с деградацией экономической науки и высшего образования в сталинский период. Характеризуя это состояние, А.Л. Вайнштейн писал в одном из писем в конце 1963 г.: «Трудно в настоящее время говорить о науке в области гуманитарного знания, когда не только в доктора, а в члены-корреспонденты и даже (*horrible dictum!*) в академики попадают люди, имеющие мало общего с наукой, прихвостни науки» (*Вайнштейн, 2000, с. 474*).

Неудивительно, что после смерти указанных экономистов в 1970–1980 гг. и в ходе дальнейшей деградации экономической науки уже мало кто мог выступить в защиту важности переоценки основных фондов. Хотя отрыв балансовой стоимости фондов от их восстановительной стоимости в этот период нарастал. Во всяком случае, в период перестройки, когда реальным стал переход к рыночным отношениям, при котором обоснованная оценка основных фондов приобретала огромное значение, почти некому было из ученых поднять эту проблему. Достаточно вспомнить бестселлер конца 1980-х гг. Н. Шмелева и В. Попова «На переломе» (*Шмелев, Попов, 1989*). Или манифест либеральных реформ «Переход к рынку» (*Переход к рынку, 1990*). Читатель, полагаем, не сочтет за нескромность, если мы отметим, что одним из авторов данной статьи производилась такая переоценка как раз во второй половине 1980-х гг. в серии статей и в отдельной монографии, оставшейся почти незамеченной в российской экономической литературе (*Ханин, 1991*).



Вследствие интеллектуальной деградации советское государственное руководство не проявило интереса к данной проблеме. Не помогло и привлечение в его ряды именитых ученых. Ни один из них в своих произведениях даже не заикнулся об этой проблеме. Что касается хозяйственных руководителей, то и они не проявили интереса к этой проблеме, просто не понимая ее значения.

### 3. Статистика основных фондов в постсоветской экономике

Начало массовой приватизации сделало вопрос о переоценке основных фондов просто жизненно необходимым для всех ее участников и государства. Казалось, государство было заинтересованно в связи со своими финансовыми интересами в объективной оценке стоимости предприятий. Эта идея первоначально закладывалась в документах по приватизации в РФ, но вскоре Правительство Е.Т. Гайдара от нее отказалось (Ханин, 2014, с. 21–50). С огромным опозданием в августе 1992 г. была проведена инвентаризация основных фондов, но при этом оговаривалось, что результаты инвентаризации не повлияют на проведение приватизации.

Произведенные нами расчеты показали, что произведенные на основе очень грубых индексных методов переоценки основных фондов в 1990-е гг. не устранили разрыва балансовой стоимости от восстановительной стоимости. Он сохранялся весь постсоветский период и в 2015 г. достиг по всей экономике, по нашим примерным расчетам, огромной величины практически в 8 раз (Фомин и Ханин, 2017). В свете нашего заключения о связи оценки основных фондов с уровнем экономического и культурного развития страны, можно сделать вывод об удручающе низком уровне последних в современной России. Нам неизвестна никакая другая страна в мире, размер национального богатства которой был бы так ошибочно оценен. Рассмотрим более подробно мотивы отдельных социально-экономических субъектов современной России в их отношении к оценке основных фондов.

Современное государство представляет собой сочетание интеллектуального невежества, идеологического фанатизма, корысти и безответственности. Интеллектуальное невежество проявляется в том, что государственные деятели не проявляли понимания значимости этой проблемы для анализа и прогнозирования развития российской экономики. Наши попытки, в том числе и при личных встречах с некоторыми руководителями государства в 2007 и 2008 гг., несмотря на исключительную важность этого вопроса, не оказали никакого воздействия. Идеологический фанатизм проявился в нежелании из стремления ускорить процесс приватизации предварительно провести переоценку основных фондов. Этот идеологический фанатизм у многих организаторов и вдохновителей приватизации сочетался с корыстью и безответственностью. Особая безответственность характерна для российской службы государственной статистики (Росстата), которая обязана обеспечивать достоверность статистических данных. Здесь присутствуют также и мотив безнаказанности, пренебрежение своими служебными обязанностями. Полное равнодушие к этой проблеме проявила не только исполнительная, но и законодательная власть. Ни разу качество статистической службы не стало предметом слушаний в палатах парламента России. Не занялась этим и Счетная палата РФ, в силу характера своей деятельности заинтересованная в достоверной статистической информации.

Полное равнодушие в этом вопросе проявило и гражданское общество. Начнем с политических партий. Даже возможность использования этого вопроса в политической борьбе, не говоря уже об общественном долге, не побудила их заинтересоваться этим вопросом. Наши попытки в 2007 г. вызвать интерес партий к этой проблеме окончились неудачей. Равнодушие проявили также средства массовой информации. Лишь изредка в оппозиционных к власти изданиях появляются статьи об искажениях в официальной статистике. Но эти отдельные публикации никогда не переходят в целенаправленную кампанию, как это было, скажем, в США в начале XX в., в период разобла-

чения коррупции «разгребателями грязи». Очевидно, что равнодушие гражданского общества в этом вопросе является следствием его интеллектуальной ограниченности и непонимания собственных интересов.

Больше всего вопрос оценки основного капитала затрагивает предпринимательское сообщество. Объективная оценка стоимости основных фондов определяет способность предпринимателей оценивать результаты своей деятельности. Владельцы предприятий должны были, не дожидаясь указаний сверху, в своих же интересах производить переоценку основных фондов. Но гигантский разрыв учетной и восстановительной стоимости говорит о том, что переоценки не проводятся. Исключения составляют только малочисленные публичные компании и предприятия с иностранной собственностью. Все это свидетельствует о крайней незрелости и экономической малограмотности предпринимателей в частном и государственном секторах экономики. В этом отношении российские предприниматели выглядят намного хуже предпринимателей США даже конца XIX столетия, когда искажения в оценке основных фондов в промышленности США были заметно меньше.

Вопрос оценки капитала чрезвычайно важен и для экономической науки. Без такой оценки наука лишена возможности сколько-нибудь обосновано анализировать и прогнозировать состояние российской экономики. Между тем, подавляющее большинство российских экономистов проявили полное равнодушие и непонимание этого вопроса.

За последние 25 лет вышло только три работы (исключая наши работы), в которых содержалась переоценка динамики основных фондов за постсоветский период.

Первая из них, принадлежащая Р.М. Энтову и О.В. Луговому, внесла лишь незначительную поправку в расчеты Росстата (*Энтов и Луговой, 2015*). Еще одна работа Van Leeuwen B., Didenko D., Földvári P. (2015) оказалась более качественной, данные, приведенные в ней, отличались от оценок Росстата, но все же недостаточно. Третья работа В.А. Бессонова и И.Б. Воскобойникова содержала исчисления роста основных фондов за 1992–2003 гг. в близких к Росстату размерах (*Бессонов и Воскобойников, 2006*). Интересно, что один из авторов двумя годами ранее в том же журнале исчислил основным методом падение основных фондов за 1992–2002 гг. в размере 36% (*Воскобойников, 2004*). Полученные этими авторами оценки динамики капитальных вложений и основных фондов, например по промышленности, радикально отличались от корреспондирующих оценок ввода производственных мощностей и их динамики. Коренным пороком всех перечисленных оценок являлось отсутствие в них расчета восстановительной стоимости основных фондов, без чего качественный расчет объема и динамики основных фондов невозможен.

Наши расчеты регулярно публиковались в виде статей (их по этой теме было опубликовано более 20) и в отдельной книге в виде учебного пособия (*Ханин и Фомин, 2011*). Однако отклика в российской экономической литературе наши работы, несмотря на исключительную важность данной проблемы, не вызвали. Единственное исключение составила критическая работа Н.И. Суслова (*Суслов, 2011*). Это, как и ограниченность прочих попыток альтернативных оценок основных фондов, свидетельствует о глубоком неблагополучии российской экономической науки.

### **Заключение**

Рассмотрение истории исчисления объема и динамики основных фондов в различных социально-экономических системах показало решающую роль разницы в институтах. Там, где институты благоприятствовали развитию экономики, науки и высшего образования, конкуренции научных и политических взглядов, эта область экономической статистики успешно развивалась. Там, где эти институты ограничены и недостаточны, статистика находилась в плачевном состоянии.

В западных странах статистика национального богатства и производственных фондов определяется развитостью и эффективностью целой системы институтов

предпринимательства, рынка, государства и гражданского общества. В СССР качество статистических работ в области оценки национального богатства и производственных фондов определял только один институт – государство. Советское государство в лице плановых и статистических служб было заинтересовано, хотя и в минимальной степени, в качественной стоимостной статистике основных фондов. Однако в целом количество и качество сформировавшихся в поздний советский период институтов значительно уступали западным, что находило свое отражение, помимо прочего, в статистике основных фондов.

Особенность современной ситуации состоит в том, что Россия освободилась от советских государственных институтов, определявших полноту и качество статистической информации, но так и не обзавелась западными капиталистическими институтами. В России отсутствует активное предпринимательство, не развиты рынки капитала и страхования, не сформированы сильные оппозиционные политические партии и общественные движения, достаточно жалкое существование влечет экономическая наука. Что касается государства, то оно отказалось от активного вмешательства в экономику, а система государственной статистики, по большому счету, не интегрирована в национальный хозяйственный механизм. В сегодняшней России нет институтов, реализация интересов которых требовала бы качественной статистики. Отсутствие институтов является основной причиной, по которой в современной России нет, и не может быть полной и качественной статистики фондов. Такое состояние статистики основных фондов делает невозможными серьезный экономический анализ экономики России и прогнозирование ее развития.

#### ЛИТЕРАТУРА

Бессонов, В. А. (2006). Воскобойников, И. Б. О динамике основных фондов и инвестиций в российской переходной экономике // *Экономический журнал ВШЭ*, № 2, с. 193–228.

Вайнштейн, А. Л. (1960). Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России (статистическое исследование). М.: Госстатиздат, 484 с.

Вайнштейн, А. Л. (2000). Избранные труды, в 2 кн., кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР. М.: Наука, 560 с.

Вознесенский, Н. А. (1979). Избранные произведения 1931–1947. М.: Изд-во полит. лит-ры, 614 с.

Воскобойников, И. Б. (2004). О корректировке основных фондов в российской экономике // *Экономический журнал ВШЭ*, № 1, с. 3–20.

Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам 1917–1957 годы: Сборник документов, т. 2: 1929–1945 годы (1957). М.: Госполитиздат, 888 с.

Кваша, Я. Б. (1962). Послесловие / В кн.: Д. Кример, С. Добровольский, И. Боренштейн. Капитал в добывающей и обрабатывающей промышленности США. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 559 с.

Кваша, Я. Б. (2003). Капитальное строительство и проблема возмещения, с. 463–471 / В кн.: Я. Б. Кваша. Избранные труды, в 3 т., т. 2: Капитальные вложения и воспроизводство основных фондов. М.: Наука.

Переход к рынку. Концепция и программа (1990). М.: Архангельское, 239 с.

Сорокин, Г. М. (1961). Планирование народного хозяйства СССР. Теория и организация. М.: Соцэкгиз, 116 с.

Суслов, Н. И. (2011). Ага! Помогите Ханина! // *ЭКО*, № 11, с. 124–139.

Финансово-кредитный энциклопедический словарь (2002). / Колл. авторов; под общ. ред. А. Г. Грязновой. М.: Финансы и статистика, 1168 с.

Фомин, Д. А., Ханин, Г. И. (2017). Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период // *Проблемы прогнозирования*, № 4, с. 21–33.

Ханин, Г. И. (1991). Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 270 с.

Ханин, Г. И. (2014). Экономическая История России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годы: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 712 с.

Ханин, Г. И., Фомин, Д. А. (2011). Альтернативные оценки развития российской экономики: методы и результаты: учеб. пособие для аспирантов, в 3 ч., ч. 1: Альтернативные оценки макроэкономических показателей экономики России. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 196 с.

Шмелев, Н. П., Попов, В. В. (1989). На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во АПН, 400 с.

Энтов, Р., Луговой, О. (2015). Тенденции экономического роста в России после 1998 года, с. 238–280 / В кн.: Экономика России. Оксфордский сборник, кн. I. М.: Изд-во Института Гайдара.

Clark, C. (1940). *The Conditions of Economic Progress*. London: Macmillan, 504 pp.

The World Bank (2011). *The changing wealth of nations: measuring sustainable development in the new millennium*. Washington, 242 pp.

Van Leeuwen, B., Didenko, D., and Földvári, P. (2015). Inspiration vs. perspiration in economic development of the Former Soviet Union and China (ca. 1920–2010) // *Economic Transition*, vol. 65, № 1, 27–50.

#### REFERENCES

Bessonov, V., and Voskoboinikov I. (2006). On the fixed assets and investments trends in Russian transitional economy. *Economic Journal of High School of Economics*, no. 2, 193–228. (In Russian.)

Clark, C. (1940). *The Conditions of Economic Progress*. London: Macmillan, 504 pp.

Economic directives of the Communist Party of the Soviet Union and the Soviet Government, 1917–1957, vol. 2: 1929–1945 (1957). Moscow: Gospolitizdat, 888 pp. (In Russian.)

Entov, R., and Lugovoi, O. (2015.) Economic growth trends in Russia after 1998, pp. 238–280 / In: Russian economy. Oxford collection, Book I. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian.)

Fomin, D., and Khanin, G. (2017). Fixed capital trends in the economy of the Russian Federation in the post-Soviet period. *Issues of forecasting [Studies of Russian economic development]*, no. 4, 21–33. (In Russian.)

Gryaznova, A. (ed.) (2002). *Financial-and-Credit Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Finances and Statistics Publishers, 1168 pp. (In Russian.)

Khanin, G. (1991). Economic development trends in the USSR. Novosibirsk: Nauka. Siberian branch, 270 pp. (In Russian.)

Khanin, G. (2014). Modern economic history of Russia. Russian economy in 1992–1998: a monograph. Novosibirsk, Publishing House of Novosibirsk State Technical University, 712 pp. (In Russian.)

Khanin, G., and Fomin, D. (2011). Alternative estimates of Russian economic development: methods and results: a text-book for post-graduate students: in 3 parts. Part 1: Alternative estimates of macroeconomic indicators of the economy of Russia. Novosibirsk: Publishing House of Siberian Academy of Public Administration, 196 pp. (In Russian.)

Kvasha, Ya. (1962). *Afterword to: Krimer D., Dobrovolsky S., Borenstein I. Capital in the US extractive and processing industry*. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 559 pp. (In Russian.)

Kvasha, Ya. (2003). Capital construction and a challenge of value compensation, pp. 463–471 / In: Ya. Kvasha. *Selecta*, in 3 vols., vol. 2: Capital investments and reproduction of fixed assets. М.: Nauka. (In Russian.)

Shmelyov, N., and Popov, V. (1989). At a tipping point: restructuring the economy in the USSR. Moscow: «News» Press Agency Publishers, 400 pp. (In Russian.)

Sorokin, G. (1961). National economic planning in the USSR. Theory and organization. Moscow: Sotsekgiz, 116 pp. (In Russian.)

Suslov, N. (2011). Aha! Remember Khanin! *ECO*, no. 11, 124–139. (In Russian.)

The World Bank (2011). The changing wealth of nations: measuring sustainable development in the new millennium. Washington, 242 pp.

Transition to a market economy. The concept and the programme (1990). Moscow: Arkhangel'skoye, 239 pp. (In Russian.)

Vainstein, A. (1960). National wealth and national economic accumulation in the pre-revolutionary Russia (a statistical study). Moscow: Gosstatizdat, 484 pp. (In Russian.)

Vainstein, A. (2000). Selecta: In 2 books. Book 2. National wealth and national revenue in Russia and the USSR. Moscow: Nauka Publ., 560 pp. (In Russian.)

Van Leeuwen, B., Didenko, D., and Földvári, P. (2015). Inspiration vs. perspiration in economic development of the Former Soviet Union and China (ca. 1920–2010). *Economic Transition*, vol. 65, № 1, 27–50.

Voskoboynikov, I. (2004). On adjusting fixed assets in Russian economy // *Economic Journal of High School of Economics*, no. 1, 3–20. (In Russian.)

Voznesensky, N. (1979). Selecta 1931–1947. Moscow: Political Literature Publishing House, 614 p. (In Russian.)